

- În prezent, când mai multe familii întrețin relații ”virtuale”, puterea cuvântului este cu mult mai mare. Problemele de genul: cum comunicăm, despre ce vorbim, când și în ce circumstanțe, devin tot mai actuală. Are importanță ca prin comunicarea virtuală să nu se ”reverse” informația negativă, care provoacă emoții distructive, ci cea utilă, benefică, care întreține sufletul la înălțime.

- Relațiile familiale și extrafamiliale reușite, de durată, nu pot fi construite prin subordonare, ci numai prin egalitate reciprocă.

- Întreținerea relațiilor de familie este foarte importantă - în ele se sprijină relația de rudenie și dragostea de țară.

Referințe bibliografice:

1. Anuarul statistic al Republicii Moldova...Ch., 2014.
2. Gagauz Olga. Familia contemporană între tradițional și modern. Ch., 2011.
3. Sociologie. (Manual). Ch., 2003. V. – 2.
4. Steel Danielle. Legături de familie. București, 2007.
5. Violența față de femei în familie în Republica Moldova. Raport... Ch., 2014.
6. Тоффлер Э. Третья волна. М. 1999. Гл. – 17.

УДК 130.2 (47+57)

РОМАНТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

ROMANTIC ALTERNATIVE OF THE SOVIET IDEOLOGY

Рокачук Виктор Н., кандидат философских наук, доцент Каменец-Подольского Национального Университета имени Ивана Огиенко
Рокачук Виктория В. кандидат искусствоведения, доцент исследователь, Институт Культурного Наследия АНМ

Работа посвящается исследованию процесса формирования «человека романтического» в советском обществе XX века. Авторы исследуют научную, художественную, фантастическую литературу, средства массовой информации, учебно-воспитательный комплекс, начиная с начальной школы и заканчивая вузовской программой, которые формировали мировоззрение нового советского человека, человека строителя коммунизма.

Ключевые слова: «человек романтический», «правда жизни», кинематограф, классическая литература, фантастическая литература, художественная литература, «человек сегодняшний», тип мышления, коммунистическое общество, религия, идеология, ментальность.

The work is dedicated to formation process research of "the romantic person" in the Soviet society of the XX century. Authors investigate scientific, art, fantastic literature, mass media, teaching and educational complex, since elementary school and finishing with the high school program which formed outlook of the new Soviet person, the builder of communism.

Keywords: "romantic person", "facts of life", cinema, classical literature, fantastic literature, fiction, "today's person", thinking type, communistic society, religion, ideology, mentality.

Каждый из типов коммунистического мышления (реалистический, романтический и т.д.) повлиял на процесс распада СССР по-своему, но все вместе они сформировали «человека сегодняшнего». «Человек романтический», как один из основных типов, почувствовавший после смерти Сталина свободу, начал создавать свою собственную религиозную идею. Он отправился в фантастические дали пространства, времени и собственного сознания в поисках «золотого века» и так называемого «коммунистического рая», что было отражено в изобразительном искусстве, литературе, музыке и кинематографе советского времени.

Советская эстетическая категория «правды жизни» по-своему отражалась в фантастике, которая, на первый взгляд, к реальной жизни никакого отношения не имела. Это не так. Фантастика – это другая литература, изображающая жизнь в другом, нереальном мире, в основу которого зачистую «вложены» жанровые или бытовые сцены из жизни советских учёных. Она прекрасно, вполне реально и в то же время символично отражала внутренний мир интеллигенции любого исторического периода: советского или досоветского, с проекций на далёкое будущее. Естественная земная реальность, к которой прикасается фантаст, в его сознании мгновенно отзывается на это прикосновение фейерверком переживаний, отражённых в осознанных импровизациях, тончайших нюансах и смыслах. Саму земную человеческую реальность можно рассматривать в контексте глубочайшего, практически бездонного эстетического и мифологического пространства.

Классическую литературу, как и любое другое искусство, в отличие от фантастики, часто рассматривают лишь в рамках двух времён –

Сегодня и Вечность, хотя эпичность, присущая искусству классиков уводит нас в далёкое прошлое, указывая на проекцию будущего, с ярким обучающим аспектом. «Сегодня» данном контексте определяется нарративом в искусстве, а «Вечность» указывает на символическую грань смысла любого творчества [1]. Герои Пушкина [2], Гоголя [3], Достоевского, Чехова [4], Толстого и всех иных литературных классиков описаны в настоящем времени. Это человеческое «сегодня», «здесь и сейчас», одухотворенное великим гением писателей, рождает в себе глобальные и вечные вопросы, раскрывая перед читателем противоречивые глубины человеческой души, ощущающей в себе Вечность в самом её истинном, философском, метафизическом смысле. Вечность как парадокс, как лабиринт, как собственную человеческую проблему.

Человек в классической литературе чувствует «вечность» в виде неразрешимого конфликта именно «сегодня», сейчас, как чувствовал её Родион Раскольников с топором в руках [5], князь Мышкин перед бездыханным телом Настасьи Филипповны [6], или Пьер Безухов в занятой французами горящей Москве [7]. Поэтому «завтра» для классического героя, по сравнению с «вечностью» сегодняшнего дня, не имеет строго обрисованных рамок, из-за повествовательности, акцентированного нарратива [8]. Нарратив же здесь не исключает, а приводит, как в пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» к истинно верному и справедливому исходу (символу веры в доброе, позитивное начало и соответствующий конец). Вопрос оценки и справедливости обретает характер повествования удаляющего или удаляющегося от героя и его реальности, так как реальность и справедливость могут находиться на данный конкретный момент в разных временных проекциях. Желаемый исход или конец может быть в проекции видимой цели и в проекции устремлений без чёткого видения самой цели.

Совсем иное ощущение течения времени появилось у месопотамских язычников, после того, как Авраам услышал голос Бога, пообещавшего ему благостное «завтра», после чего он и стал первым иудеем. Религиозное монотеистическое мышление – это, прежде всего, мышление историческое, в котором обязательно присутствует «завтра». «Завтра» есть в иудаизме, в христианстве, в исламе. Религиозная история, ориентированная на «завтра», как и фантастическая литература – это уже история не человека, но всего человечества, причем фиксирующая не только прошлое, но и будущее. И когда Марксом, Энгельсом, Лениным создавалась

коммунистическая идеология, история не только как прошлое, но и как светлое будущее, была включена в неё в обязательном порядке [9].

Мифология античная, иудейская, христианская, исламская или коммунистическая не могут быть заменены понятием «фантастика», хотя могут трактоваться в близком смысле.

Советская фантастика и перелом в рамках стиля социалистический реализм стали ярко проявляться лишь после смерти Сталина, с началом идеологического кризиса. Коммунизм со смертью Сталина перестал быть живым, страшным, драматическим, требующим жертв. Тотальный страх и поклонение божеству давали людям необходимое для жизни драматическое напряжение. Со смертью Сталина страшная мистерия закончилась. Хрущев, следуя не политическому расчету, а глубинной, плохо осознаваемой им самим интуиции, попытался оживить коммунизм, пообещав его в ближайшем «завтра». Однако этот коммунизм как идея, как светлое будущее, не имел никакого реального образа.

Появившиеся в СССР после войны фантастические книги расходились миллионными тиражами. Их тираж, был сравним с тиражами классиков марксизма-ленинизма. Одними из ярчайших творцов советской фантастики были братья Стругацкие [10]. В своем человеческом существовании они стихийные материалисты и совершенно не религиозные люди. Во всех своих интервью они категорически отрицали какие-либо религиозные или метафизические мотивы своих произведений. В начале шестидесятых годов из под их пера выходит роман «Улитка на склоне», где впервые в русской художественной литературе появляется тема, уходящая корнями в античную философию Платона и Плотина и одновременно в глубины чувственного мировосприятия по сути любой из ныне существующих религий. Стругацкие пытались создать образ некоей изначальной, первичной живой реальности, существующей параллельно привычному природному и техногенному человеческому миру.

Стругацкие были неофициальными пророками и принадлежали к неофициальной интеллектуальной элите советского общества. Братья Стругацкие были самыми яркими, самыми популярными, самыми культовыми советскими писателями, создававшими литературу, параллельную традиционной коммунистической идеологии. Они были не за, не против советской власти, они писали совершенно о другом коммунистическом будущем, о котором прежде писали Маркс, Энгельс и Ленин. Но при этом, удивительным образом, Стругацкие во многом совпадали с классиками коммунизма, именно в том месте, где труд, как созидательная деятельность, действительно может быть

свободным, не требовать вознаграждения, ибо сам процесс постижения мира и есть высшее вознаграждение.

Но одновременно их романы были абсолютно чужды советским утопиям, ибо человек стоял у них не перед хлебным полем или бесконечными швейными машинами, а перед Неведомым, перед тайной, перед странным и непостижимым живым божеством, которое можно почувствовать, но нельзя понять. Они обращались к глубочайшей религиозной философии, которой изначально никогда не было в марксизме-ленинизме.

Стругацкие, вместе с огромной частью людей советского искусства, начали массовый исход из традиционного коммунизма. В СССР постепенно появлялась совершенно иная, чем прежде, антропоморфная, интеллектуальная, романтическая реальность, становящаяся мощной эстетической силой новой советской культуры.

Интересно, что впоследствии, с исчезновением советского строя, исчезнет и этот мощнейший интеллектуально-романтический культурный пласт. Это связано с тем, что хотя Стругацкие были, по своей сути, антикоммунистическими писателями, но вместе с тем они создали абсолютно антибуржуазную литературу. В этом отношении коммунистический тезис о том, что все антикоммунистическое – есть буржуазное, никак не действовал, поэтому они и не подвергались репрессиям со стороны властей. Хотя, возможно, в глубинном смысле Стругацкие были гораздо большими коммунистами, чем все генеральные секретари КПСС вместе взятые, ибо обладали гораздо более острым и живым мировоззренческим религиозным чувством.

Это же чувство, не как мода, но как естественное мироощущение, прошло и через творчество А. Тарковского, М. Булгакова, М. Захарова. Их интересовало, прежде всего, – что такое есть человек сам по себе, как чистая экзистенциальная сущность. Может ли такой человек превратиться в статую или в зверя? Или вытащить себя за волосы из болота? Или убить дракона? Или, наконец, умирать каждый раз к назначенному сроку, но вместе с тем оставаться живым, чувствуя себя мертвым? Этими вопросами никогда не занималась коммунистическая идеология, как, впрочем, и официальная русская православная церковь, ибо ни ту, ни другую организацию давно уже не интересовали вопросы, связанные с «человеком индивидуальным». Однако русский менталитет сам задавал себе вопросы и искал на них собственные ответы, не обращаясь в официальные инстанции, но погружаясь в самого себя, находил там удивительные образы «Обыкновенного чуда» или «Дома, который построил Свифт».

Эта динамика трансформации жизни и смерти, прозрений и затмений, рожденная лишь острым чутьем художника, делает захаровские фильмы единым философским процессом, который, по сути, и есть отражение истории человеческого духа в самом высшем его проявлении.

Взаимоотношения советской власти и гениев советской культуры, в творениях которых разворачивалась глубинная религиозно-философская советская ментальность, была очень сложной и часто непонятной ни самой власти, ни художникам. Власть подозрительно относилась к интеллектуальной элите, но при этом понимала, что элита необходима, ибо она питает население чем-то очень важным, хотя и самой власти не всегда понятным. Вместе с тем коммунистическая система, как парадоксально это может ни показаться, сыграла огромную и важную роль в создании эстетических шедевров коммунистической эпохи.

Конечно, на почве совместной жизни художника и власти происходили и трагедии отдельных личностей. Не смотря на это, советское искусство в лице своих творцов создало совершенно уникальный, альтернативный коммунистической идеологии, но добрый человеческий мир, в конечном итоге размывший традиционные устои идеологии коммунизма [11].

Глубоко философское советское романтическое искусство развивалось наперекор коммунистической идеологии и постепенно уничтожало её. В новом мире, построенном философствующими романтиками от культуры, коммунистическим функционерам просто нечего было делать. Им не было там места. Советские художники лишили коммунистическую партию любых претензий на религиозно-мифологический образ, который так старательно и кроваво в течении тридцати лет строил Сталин. Романтики сделали свое дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rocaciuc V. Câteva considerații preliminare (cu caracter bibliografic) referitoare la abordarea noțiunii de „simbol” în teoria artei moderne și contemporane: cazul graficii de carte. **În:** Arta, 2015, p. 138-145.
2. Пушкин А.С. “Борис Годунов” / М.: Изд-во “Худ. литература”, 1959. – 298 с.
3. Гоголь Н.В. Мертвые души: Поэма / Н.В. Гоголь. – М.: Худож. лит., 1985. – 368 с.
4. Чехов А.П. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Повести и рассказы / Ил. С. Алимova и др. – М.: Худож. лит., 1982. – 447 с. Т. 2. 480 с.

5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в 6 частях с эпилогом / Вступ. статья Г. Фридмидера: Примеч. Г. Коган; Ил. Д. Шмаринова. – М.: “Худ. литература”, 1978. – 464 с.
6. Толстой Л.Н. Война и мир: Роман. В 2-х кн. [Предисл.: К. Ломунов; Ил.: Д.А. Шмаринов]. – Х.: Прапор, 1980.
7. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман в 4-х ч. / Вступ. статья Е. Стариковой Примечание И. Битюговой: Худ. И. Глазунов. – М.: Худ. Лит., 1983. – 407 с.
8. Барышникова Д. Когнитивный поворот в постклассической нарратологии (Обзор новых англоязычных книг). В: «НЛО» 2013, №119. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/b32.html>>.
9. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 2. – М.: “Терра”. – 1997. – 568 с.
10. Стругацкие А.Н и Б.Н. За миллиард лет до конца света: Повести / А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий [Худож. П. Караченцев]. – М.: Сов. писатель, 1984. – 415 с.
11. Rocasiuc V. Artele plastice din Republica Moldova in contextual sociocultural al anilor 1940-2000. Chisinau, Ed. Atelier, Bons Offices SRL, 2011. – 276 p.

УДК 130.2 (47+57)

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ REALISTIC ALTERNATIVE OF THE SOVIET IDEOLOGY

Рокачук Виктор Н., кандидат
философских наук, доцент Каменец-Подольского Национального
Университета имени Ивана Огиенко Рокачук Виктория Викторовна, кандидат
искусствоведения, доцент исследователь, Институт Культурного Наследия
АНМ

Дудченко Владимир Степанович,
кандидат философских наук, доцент Каменец-Подольского Национального
Университета
имени Ивана Огиенко

Авторы делают попытку проанализировать реалистическое направление в советском искусстве и его влияние на менталитет советского человека, и как впоследствии это отразилось на его жизни. Процесс развития реализма как система мышления в противодействии буржуазной идеологии должен был привести советского человека к счастливой жизни, к свободе и благосостоянию всех граждан.